

Урал: историко-культурные проблемы: Сб. науч. трудов.
Оренбург, 1995. С.24-35.

Д. Г. Кориков

Уральский государственный университет,
г. Екатеринбург

П.Ф. ЛОСЕВ И ЕГО РЕЛИГИОЗНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В ОРЕНБУРГСКОМ КРАЕ

Одна из наиболее интересных сторон в истории края – это история неофициальных религиозных движений. Без учета этого аспекта региональная история будет неполной и искаженной. В особенности это верно по отношению к тем регионам, в которых официальное православие имело крайне малое влияние на жизнь местного населения. Одним из таких регионов в дореволюционное время был Оренбургский край. Государственная религия была здесь слаба во многом из-за крайне больших размеров Оренбургской епархии и связанной с этим удаленности селений от храмов на большое расстояние, что приводило к трудной контролируемости религиозной жизни местного населения. Так в 1869 году, когда произошло разделение огромной епархии на Оренбургскую и Уфимскую, всего на новой территории Оренбургской епархии площадью в 85 тыс. кв. верст оказалось 142 церкви. Только к началу XX века в Оренбургской епархии количество приходских церквей возросло до 502. Но и это количество храмов не было достаточным для того, чтобы духовенство оказывало достаточное влияние на местное население. Существовали наравне с ними сотни молитвенных домов (т.н. часовен). Такая ситуация приводила к значительному снижению роли священника, функции которого часто замещал грамотный благочестивый человек. «Даже свои приходы, – писал священник М. Головкин, – были без надлежащего надзора, и духовенство не имело ни времени, ни умения бороться с заблуждениями» (2, 731). Также он отмечал и значительную роль беглого населения: «В глазах беглого раба церковь не пользовалась симпатией потому, что она помещицья, барская; исповедание ее учения подчас навязывалось насильем и иногда страшными истязаниями» (2, 732).

Кроме того, официальная религия, поддерживаемая часто одним административным путем, не могла иметь большого влияния не только в Оренбургском крае, но и во всей России. Утверждение это можно подтвердить статистическими данными. В. Бонч-Бруевич определял общую численность различных сект в 1903г. в 6 млн человек, а раскольников в 20 млн (1, 175) Эти цифры говорят о достаточно слабых позициях официального православия в народной среде.

Слабость государственной религии была во многом причиной проявления официально не санкционированной религиозной активности. Ярким примером здесь может служить личность П.Ф. Лосева. Религиозная деятельность этого человека, обратившая на себя внимание как обычного народа, так и церковного и светского начальства, приходится на пятидесятые и шестидесятые годы XIX века. Сам Лосев был в то время отставным урядником Оренбургского казачьего войска. Жизнь его в это время отличалась аскетическим характером. Зимой и летом он ходил босым, из-за чего получил в народе прозвище «Петр Босой». Многие люди, с которыми ему приходилось иметь дело, считали его человеком святым, имевшим дар прозорливости. Хорошая репутация не спасла его, однако, от столкновения с местной духовной консисторией, а также и светским начальством. Столкновение это было не еди-

ничным, а целой серией конфликтов. Один из этих конфликтов был связан с внешними проявлениями аскетической направленности жизни Лосева, а именно с тем, что он, как уже говорилось, ходил в любую погоду босым. На Лосева было оказано епархиальным начальством давление. В результате он стал против желания носить шапку и обувь, хотя это, по его словам, лишь стесняло его.

Другой конфликт был связан с тем, что Лосев какое-то время проживал в кладбищенской часовне. Трения с консисторией, возникшие на этой почве, едва не привели к вмешательству полиции. Удалению его из часовни с помощью полиции помешал лишь епископ Варлаам.

Еще один конфликт произошел в связи с официально не зарегистрированным торжественным шествием иконы и сбором пожертвований для учреждения в Оренбурге женского и мужского монастырей. Икону Богоматери «Достоинно есть» Лосев получил на Афоне в знак благословения на устройство этих монастырей. Св. Синод, однако, отклонил его просьбу о разрешении нести икону открытым образом со сбором пожертвований, несмотря даже на то, что она была поддержана оренбургским генерал-губернатором Катениным. Лосев проигнорировал этот запрет. В результате, когда в Оренбурге узнали, что Лосев несет икону без разрешения начальства, навстречу ему послали казачьего офицера с тем, чтобы немедленно прекратить торжественное шествие. Икона была у Лосева отобранана, а деньги конфискованы и переданы в Войсковое Правление Оренбургского казачьего войска.

Об иконе, однако, стала распространяться слава как о чудотворной. В связи с этим икону, согласно предписанию епархиального начальства, стали снова обносить по селам. Лосев выступил в качестве распорядителя. Когда икона находилась в пос. Линевском, местное начальство заявило, что иконы принимать не следует, так как по войсковому ведомству не было распоряжения об открытии ее следовании. Вместе с тем, по станицам и поселкам было отправлено известие, чтобы народ не собирался для встречи иконы. Торжественное шествие снова было остановлено (хотя на этот раз и не путем простого запрета).

После этого икона была помещена в Оренбургский кафедральный собор. После жалобы Лосева Войсковое Правление выразило намерение передать икону в Войсковую Георгиевскую церковь. Епископ Антоний в этом отказал. Он объяснил, что икона отобранана у Лосева, как ложно оглашенная чудотворной, а сбор пожертвований был учинен им незаконно. Лосев, пытаясь добиться справедливости, подал прошение императору о переносе иконы в Войсковую церковь и о возвращении из 6 тыс. рублей, отобраанных Катениным, 3 тыс. рублей как составляющих его собственность. В ответ на это прошение последовал указ Св. Синода, где говорилось о правомерности изъятия иконы. Деньги по этому указу как «самовольно отобранные» (5, с.449) Лосеву не возвращались.

Устройства женского и мужского монастырей в Оренбурге также не произошло. Епископ Антоний, в ответ на вопрос об учреждении монастырей уклончиво ответил, что «не имеет для суждения об этом никаких данных» (5, 423). В результате продолжала существовать лишь женская община, не получая административной санкции, мужская же организована не была. Впоследствии Лосев в указанном уже прошении императору выражал также просьбу об учреждении в Оренбурге приюта с монастырским уставом для призрения неимущих вдов и сирот (вместо женского монастыря). Св. Синодом эта просьба была отклонена.

На примере Лосева достаточно ярко прослеживается характерное для того времени явление – существование некоего неофициального православия наряду с государственной церковью. Это не были две различные организации. Граница между тем и другим проходила

через сознание отдельного человека. Так Лосев, не порывая видимым образом с внешней государственно-церковной организацией, не считал для себя обязательным подчиняться ей во всех случаях. Здесь возникает вопрос: не был ли Лосев одним из представителей т.н. мистических сект (как было принято называть тогда хлыстов, скопцов и сродные им секты с характерными для них особыми экзотическими ритуалами и соответствующей им верой в возможность воплощения божественного начала в человеке). В Оренбургских епархиальных ведомостях в статьях М. Головкина(3) и С. Словоохотова(4) проводится взгляд на Лосева как на «хлыста», скрывавшегося под маской ревнителя православия. Взгляд этот основывается, главным образом на показаниях В. Балабанова, одного из лидеров неофициального религиозного движения, признанного церковным начальством хлыстовским. Лосев, по утверждению раскаявшегося Балабанова, побудил его отречься от обычной мирской жизни, но в то же время призывал не подчиняться епископам и священникам, а также отвергал брак. Если учесть единодушно отмечаемую дореволюционными сектоведами скрытность «хлыстов» и отсутствие у них внешнего разрыва с православной церковью, а также неприятие ими обычной семейной жизни и практики т.н. духовных браков, то взгляд на Лосева как на «хлыста» не выглядит простым обвинением. Но в то же время такой взгляд не является достаточно аргументированным. В первую очередь следует обратить внимание на то, что Лосев не только не попал под арест, но и вообще не вызывал подозрений у местного духовенства. Когда у Лосева начались трения с епархиальным начальством, он не был заподозрен в сектантстве, хотя обвинение его в «хлыстовстве» было выгодно начальству. Протоиерей А.В. Шильнов, близко его знавший, также не обвинял Лосева в принадлежности к секте «людей Божьих» (как обычно называли себя т.н. «хлысты»). Кроме того, его почитатели и почитательницы, как отмечал в Оренбургских епархиальных ведомостях Н. Чернавский, сохранили о нем «добрую память, как о Божьем человеке, но не из «людей Божьих»»(5, 416).

Пытаясь как-нибудь объяснить устранение Лосева от следствия, С. Словоохотов ищет разгадку этого факта в малоизвестности Лосева епископу Антонию(4, 829). В данном случае имеется в виду, что Лосев был хитрый и ловкий лицемер, так как внешняя его деятельность как раз была хорошо известна и церковному, и светскому начальству. Утверждение это, однако, никак не доказывается Словоохотовым.

Что же касается отрицания Лосевым брака, то отрицание это не носило слишком жесткого характера, так как сам он (имея семью, состоящую из жены и воспитанницы) идею «духовного» брака на практике не воплощал. В этом, состояло его отличие, например от упомянутого уже Балабанова, который при своей живой жене завел себе новую «духовную» жену.

Обвинение Лосева в скрытом сектантстве, из-за того, что он при разговорах с Балабановым отрицал авторитет священников и епископов, также не очень убедительно. Если бы это отрицание носило радикальный характер, то оно привело бы его к резкому отчуждению от внешней церковной организации, уподобив его некому староверу-беспоповцу. Подобные мысли и слова были вызваны у Лосева скорее не его сектантской настроенностью, а более общей причиной. Причиной этой была отмеченная уже слабость государственного православия. Религия, насаждавшаяся путем административных указов и поддерживаемая полицейскими мерами, не могла вызывать к себе большого уважения.

Подводя итоги, следует отметить двойственный характер религиозной деятельности П.Ф. Лосева. С одной

стороны эта деятельность не была официально санкционирована, с другой стороны она все же не привела к созданию под его руководством общины, которая являлась бы (в соответствии с терминологией того времени) мистической сектой. В данном случае видно такое своеобразное явление, которое можно назвать неофициальным православием. Это неофициальное православие отличается как от государственной религии, так и от того направления народной религии, которое было принято тогда называть хлыстовством.

Примечания

1. Бонч-Бруевич В.Д. Избранные соч.. М., 1959.
2. Головкин М. Очерки оренбургской хлыстовщины//ОЕВ, 1897. №20.
3. Головкин М. Очерки оренбургской хлыстовщины//ОЕВ, 1897. №23.
4. Словоохотов С. «Люди божьи» в Оренбургской епархии//ОЕВ. 1880. №21.
5. Чернавский Н. Урядник П.Ф. Лосев и его выступления по делам Оренбургской епархии//ОЕВ. 1915. №33-34.

З.В. Галлямова

*Елабужский государственный педагогический университет,
г. Елабуга*

ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ РАСПОРЯДИТЕЛЬНОГО И ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ОРГАНОВ В СТРУКТУРЕ ГОРОДСКОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ Г. ВЯТКА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX ВВ.)

Буржуазный характер преобразований второй половины XIX века внес качественные изменения в структуру городского самоуправления, заложив в нее принцип разделения властей – исполнительную и распорядительную.

Такой подход к устройству городского самоуправления в условиях социально-экономического развития российских городов, предполагающий расширение городского хозяйства, был вполне рационален и являлся одним из прогрессивных моментов городской реформы. Между тем, обзор материала второй половины XIX - начала XX вв. выявил в разные хронологические периоды два ведущих противоречия в законодательстве по устройству городского самоуправления. Во второй половине XIX века оно состояло в совмещении в одном лице должности председателя думы и управы; в конце XIX - начале XX века – в предоставлении номинальных контролирующих полномочий думе в отношении управы.

Исполнительным органом общественного управления по обоим Городовым положениям была городская управа, которая находилась под председательством городского головы. Законодательство определило функции управы следующим образом: «а) по наблюдению за правильностью производства торговли, за верностью употребленных в торговле весов и мер и по клеймению весов и мер; б) по взиманию в пользу казны и земства налога с недвижимых имуществ и пошлин за право торговли; в) по распределению между городскими обывателями натуральных повинностей, отнесенных на них по земской раскладке»(2. 830).

Управа также должна была регистрировать книги нотариусов, продавать гербовую бумагу и выполнять ряд других обязанностей (2. Там же). Согласно ст. 94 Горо-